

УДК 81:1 ; 808.5

Жданова Надежда Юрьевна

аспирант кафедры теории
и практики перевода № 1
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Nadezhda Zhdanova

PhD Student of the Chair
of Theory and Practice
of Interpreting and Translation № 1
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
nadya_zhdanova_2015@mail.ru

НАРОДНЫЙ СМЕХ
В ТРАКТОВКЕ АНТИЧНЫХ ФИЛОСОФОВ

THE ATTITUDE
OF CLASSICAL PHILOSOPHERS TO LAUGHTER

Данная статья посвящена исследованию феномена народного смеха в видении философов Античности с помощью концепции М. М. Бахтина. Представлено краткое описание народного смеха по М. М. Бахтину, даны его ключевые характеристики. Для исследования отобраны труды самых значимых философов, работавших над проблематикой смеха и комедии, – Аристотеля, Платона, Цицерона. Мы рассмотрели мнение и видение каждого философа на основании их трактатов, определили их отношение к смеху в целом и к народному смеху в частности, а также провели параллели в трактовках.

The article covers the attitude of classical philosophers to the phenomenon of laughter that was best defined by Mikhail Bakhtin. Firstly, we briefly described Bakhtin's vision of laughter and presented its key characteristics. We based the research on the works of the most prominent philosophers who studied the sphere of laughter and comedy – Aristotle, Plato, and Cicero. The focus of the article is the philosophers' approach to laughter, as well as comedy – with the help of Bakhtin's later concepts and theories.

К л ю ч е в ы е с л о в а: народный смех; юмор; Античность; Аристотель; Платон; Цицерон; М. Бахтин.

Key words: public humour; humour; classical antiquity; Aristotle; Plato; Cicero; M. Bakhtin.

Смех и комическое сопровождали человечество на протяжении многих веков со времен своего зарождения в первобытном обществе. Тогда они существовали наряду с серьезными культами и были одинаково значимы. Несмотря на то, что позднее смеховые культы утратили подобное равноправие и перешли на неофициальные позиции, они сохранили свою роль ключевой формы выражения мироощущения народа.

Первые исследования в поле смешного появились уже во времена Античности. Нельзя сказать, что эта тема была одной из центральных, однако многие известные мыслители считали важным уделить внимание изучению данного феномена, особенно учитывая то, что в Древнем Риме шутки и каламбуры могли звучать не только со сцен театров, но и с трибун в судах и государственных органах. Также этому способствовало развитие комедии.

Современные ученые неизменно возвращаются к исследованиям того времени. При этом в литературоведческой сфере зачастую в центре внимания оказывается комедия, комическое, а также отношение философов к этой категории. В данной работе мы представляем трактовку другой более широкой и в то же время узкой темы – народного смеха.

Прежде всего определим, что же мы понимаем под народным смехом и в каком виде он предстанет в качестве объекта исследования. Народный смех является наиболее «чистой» и интересной формой смеха, которая лежит в основе всей категории комического. Самую подробную и точную характеристику народному смеху дал М. М. Бахтин при изучении творчества Ф. Рабле. Согласно ему, народный смех издревле имел объединяющее начало и помогал людям вырваться из оков повседневности, чтобы всем вместе насладиться духом свободы и равенства. В первобытных общинах смех имел ритуальное значение, впоследствии оно было утеряно. Наиболее ярко народный смех стал проявляться во время празднеств. При этом ученый отмечает сложную природу смеха: всенародность, универсальность и амбивалентность. Люди

смеялись все вместе, над собой и над другими, ликуя и высмеивая. Именно в таком виде народный смех прошел от древних времен до римских сатурналий и средневековых карнавалов, чтобы потом пережить существенные трансформации, но все же сохраниться в ограниченном формате в современной жизни [1, с. 1–25].

Однако во времена Античности народный смех все еще составлял важную часть культуры. Во многом благодаря этому философы оставили значительный пласт исследований смешного, но, к сожалению, многие труды не дошли до наших дней. Так, утраченными значатся трактаты известного «смеющегося» философа Демокрита, который довольно глубоко изучал явление юмора. Та же участь постигла и вторую часть известного трактата Аристотеля «Поэтика», которая предположительно была посвящена комедии. Единственным источником, который может пролить свет на ее содержание, является Коаленовский трактат, считающийся конспектом одного из учеников философа. Тем не менее сохранившихся источников оказалось достаточно, чтобы использовать их как основу многочисленных исследований вплоть до наших дней.

Одним из ключевых философов, внесших значительный вклад в исследование комического, по праву считают Аристотеля. Именно он в сохранившейся части трактата «Поэтика» дал одно из самых распространенных до сегодняшнего дня определений комического и смешного: «Комедия, как мы сказали, это воспроизведение худших людей, но не по всей их порочности, а в смешном виде. Смешное – частица безобразного. Смешное – это какая-нибудь ошибка или уродство, не причиняющее страданий и вреда, как, например, комическая маска. Это нечто безобразное и уродливое, но без страдания» [2, с. 1070]. На основании этого высказывания можно сделать вывод, что Аристотель, как истинный представитель аристократии, далек от народного смеха. Он дает довольно точное определение комического, но это то комическое, целью которого является осмеяние безобидных недостатков, какого-либо безвредного несоответствия общепринятому. И если народный смех по своей сути приближается к юмору, который в нашем понимании является положительной характеристикой, то смех, описанный Аристотелем, приближается к иронии или остроумному подшучиванию.

Однако нельзя не упомянуть важное замечание философа относительно происхождения смеха «от запевал фаллических песен, которые еще и теперь остаются в обычае во многих городах» [Там же, с. 1069]. Оно знаменательно тем, что Аристотель сам упоминает важную особенность народного смеха – его телесный аспект. Народный смех несовершенен и не завершен, он всегда находится в развитии. «Акценты лежат на тех частях тела, где оно либо открыто для внешнего мира, то есть, где мир входит в тело или выпирает из него, либо оно само выпирает в мир, то есть на отверстиях, на выпуклостях,

на всяких ответвлениях и отроствах: разинутый рот, детородный орган, груди, фалл, толстый живот, нос» [1, с. 26]. Именно поэтому эти части тела неизменно фигурируют в народных шутках, песнях, фамильярной речи.

В этом направлении кроется важное различие. В рамках явлений, вызывающих смех, Аристотель проводит границу между пристойным и непристойным смехом. Он считает, что необходимо соблюдать некий баланс между смехом и изяществом и не преступать меру, таким образом полностью отрицая груботелесный аспект народного смеха. В таком понимании философ как представитель высшего сословия отдаляется от народного смеха. Народный смех в целом можно противопоставить понятию меры, ведь в нем ее нет. Он используется для выражения мироощущения, настолько необъятного, что его трудно как-либо ограничить. Можно предположить, что такой подход разделяли многие представители аристократии того времени.

В отличие от Аристотеля, который хоть и отрицал народный смех, но снисходительно относился к комедии и поощрял изящную сторону смешного, Платон видел единственную его пользу в том, что оно помогало лучше познать серьезное. При этом добродетельный человек не мог заниматься и тем и другим одновременно, ему стоило знать о смешном только во избежание неуместных высказываний. По мнению философа, смешное «надо предоставить рабам и чужеземным наемникам. Никогда и ни в коем случае не следует заниматься этим серьезно; свободные люди – мужчины ли или женщины – не должны обнаруживать подобных познаний» [3, с. 113]. Хотя это высказывание, скорее всего, относится к комедии как к жанру, мы считаем правомерным вывод о том, что Платон также негативно относился и к народным празднествам. Ведь на них люди были гораздо более открыты смешному, свободны в выражении своих мнений.

Эту же идею можно проследить и в другом высказывании философа: «следует удерживаться от излишнего смеха и слез, надо советовать друг другу скрывать любую чрезмерную радость и страдание и стараться сохранять благообразие» [Там же, с. 69]. Именно благообразие и сдержанное поведение являются для него образцом добродетели. Смех же неизменно связан со злобой и имеет разрушительную силу, ведь, в его понимании, люди могут смеяться только над пороками и несчастьями других, а также над людьми, стоящими ниже по положению. Народный смех противостоит благообразию в той же мере, в какой противопоставлен злобе. Злоба, зависть, желание осмеять или унижить возникают от мирского: разницы в статусах, богатстве, физическом здоровье. На всеобщих празднествах от этого отрешаются, потому и смех там приобретает исключительно положительное значение.

Таким образом, в своей интерпретации смешного Платон находится ближе к концепциям эпохи Средневековья, нежели Античности. Хотя стоит отметить

существенное различие: он не считает данный феномен греховным, его позиция основывается на культурном и этическом неприятии смешного в добродетельном обществе и идеальном государстве.

Еще одним значительным исследователем смешного был Цицерон. Его интерпретация примечательна, поскольку во многом объединяет в себе идеи, высказанные Аристотелем и Платоном. Мы узнаем, что «источник и, так сказать, область смешного, – это, пожалуй, все непристойное и безобразное; ибо смех исключительно или почти исключительно вызывается тем, что обозначает или указывает что-нибудь непристойное без непристойности» [4, с. 235]. Как и Аристотель, Цицерон указывает на рождение смеха из безобразного. По нашему мнению, в этом кроется кардинальное отличие научно-философского подхода к смеху и народного отношения. Хотя в народном смехе часто используются элементы, которые и современному человеку, и античному философу покажутся непристойными, М. М. Бахтин четко указал на то, что в нем нет ничего безобразного, потому что все воспринимается естественным. Народный смех объединяет людей, делает их ближе друг к другу и к миру, при этом они смеются над всем, в том числе над собой. В интерпретации большинства философов смех, напротив, разделяет людей на тех, кто смеется, и тех, над кем смеются, или же тех, кто намеренно стремится рассмешить. Вопрос заключается в том, с какой целью люди прибегают к использованию смешного.

Несмотря на сведение смешного к безобразному, Цицерон стал одним из немногих ученых, отметивших важность смеха в ораторском искусстве. «Вызывать смех – это наш третий вопрос – для оратора, конечно, очень желательно: либо потому, что веселая шутка сама вызывает расположение к тому, кто шутит; но главным образом потому, что она разгоняет печаль, смягчает суровость, а часто и разрешает шуткой и смехом такие досадные неприятности, какие нелегко распутать доказательствами» [4, с. 235]. Так, вопреки высказываниям Платона о недостойности смеха и неправильности его использования в широких кругах, Цицерон, наоборот, способствует популяризации шуток не только среди простых людей, но и государственных деятелей. Однако, как и Аристотель, Цицерон отмечал важность меры. Лучше всего шутить над среднестатистическим гражданином, над нравами, которые присущи всему обществу, либо не слишком серьезными недостатками. При этом не стоит упоминать людей, популярных в народе, и прибегать к неприличному передразниванию. Платон также говорил о мере, но в другом ключе: он отмечал, что нельзя высмеивать человека с неприязнью и гневом.

По нашему мнению, именно Цицерон смог в самой большей мере приблизиться к пониманию народного смеха. Он очень метко отметил природную предрасположенность людей к юмору: «природа, создавая людей, вложила в некоторых дар передразнивать и дар шутливо рассказывать, помогая себе

и лицом, и голосом, и самим складом речи» [Там же, с. 217]. Учитывая, что смех зародился еще во времена первобытных общин, становится очевидно, что он является одной из базовых, самых простых и естественных человеческих характеристик.

Таким образом, у каждого философа был свой подход к смеху, но ни одна из теорий не является исчерпывающей. Аристотель оставил довольно точное определение смешного, но важные аспекты народного смеха расценил как непристойный и «недостойный» смех. Так, философ отрицает важную составляющую сущности смеха несмотря на то, что сам подчеркивает народное происхождение смешного. Платон же в целом практически полностью исключает смех из жизни идеального общества. Он не учитывает, что без такого важного способа выражения мироощущения, как народный смех, идеальное общество вряд ли сможет функционировать. Цицерон же наиболее лояльно относится к смеху в целом, он принимает его важную роль в обществе и стремится в определенной мере распространить положительный народный смех в высших слоях общества.

Если же рассмотреть данные подходы в совокупности, то мы видим явную корреляцию в том, что касается источника смешного. Все философы указывают на рождение смеха из безобразного и непристойного и тем самым снижают ценность его сущности. Комедия действительно стоит на этом аспекте. Но народный смех уходит далеко за его пределы. К сожалению, как показало проведенное исследование, философы Античности больше фокусировались на исследовании комедии или же физиологии смеха (в трактатах Демокрита), народный же смех как первоисточник комедии был упущен. Поэтому возможно только косвенное исследование народного юмора через отношение философов к комедии и смеху. Тем не менее даже подобное косвенное исследование представляется нам результативным и позволяет пролить свет на место народного смеха в философии Античности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Эксмо, 2015. – 640 с.
2. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск, 1998. – С. 1064–1112.
3. Платон. Законы / Платон. – М. : Русайнс, 2015. – 520 с. – (Серия «Классическое наследие»).
4. Цицерон, М. Т. Три трактата об ораторском искусстве / М. Т. Цицерон ; пер. с лат.: Ф. А. Петовкий, И. П. Стрельникова, М. Л. Гаспаров ; под ред. М. Л. Гаспарова. – М. : Ладомир, 1994. – 475 с.